

Пять ипостасей Ленина

Пересказывать ленинскую биографию в тысяча первый раз не имеет большого смысла (нужные сведения всегда можно найти в Интернете); эта статья посвящена тем аспектам теоретической мысли и практической деятельности Ленина, которые непосредственно отразились в его работах, включенных в сборник. В книге «Что делать?» (1902) перед нами предстает организатор той партии, которая впоследствии стала известна как РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) — КПСС — КПРФ. Автор «Уроков московского восстания» (1906) и «Апрельских тезисов» (1917) — стратег и тактик революционной борьбы. В очерке «Карл Маркс» (1914) и статье «Три источника и три составных части марксизма» (1913) Ленин выступает как марксист — исследователь, последователь и преобразователь социально-экономического и политического учения Маркса и Энгельса. В книге «Государство и революция» (1917) — как теоретик «научного коммунизма», доводящий эту «науку» до утопии. Наконец, в статьях «Лев Толстой как зеркало русской революции» (1908) и «Памяти Герцена» (1912) он оказывается еще и литературоведом (точнее, пишущим о литературе публицистом). К этим ипостасям можно было бы прибавить и другие: Ленин как философ («Материализм и эмпириокритицизм», 1909), экономист («Развитие капитализма в России», 1899), разрушитель старого и строитель нового государства (статьи 1917–1922 гг.) и многое другое. Но поскольку нельзя объять необъятное, остановимся только на пяти ленинских инкарнациях.

1. Организатор

Обожавший в юности роман Чернышевского «Что делать?», Ленин дал то же заглавие своей книге-инструкции о том, как сплотить рабочую партию и наладить ее дальнейшую работу. Многие исследователи видели в таком заглавии желание «перепахать» души протестно настроенных молодых людей и привлечь их к профессиональной революционной работе (то есть расчет на тот же эффект, который произвела книга Чернышевского в 1887 году на Володю Ульянова). Есть много свидетельств о том, что Ленину это удалось: именно эта брошюра сделала малоизвестного эмигранта вождем радикального крыла социал-демократии и кумиром молодых «искровцев».

Формально Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) возникла в 1898 году на I съезде в Минске. Однако этот «съезд» (всего девять делегатов, причем никто из них в дальнейшем не сыграл значительной роли в революции) успел совсем немного: социал-демократы приняли широковещательный «Манифест», напечатали его в виде листовки в подпольной бобруйской типографии и тут же были почти в полном составе арестованы полицией. Ленин и другие руководители ранее действовавшего в Петербурге пропагандистского кружка под названием «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» в это время находились в ссылке. Несмотря на серьезные неудачи, на рубеже веков партия была на подъеме: в крупных городах росли и множились ее ячейки, в Германии и Швейцарии возникли центры русской социал-демократической эмиграции, и, значит, надо было объединяться, принимать общую программу и браться за общее дело. В чем состояло это дело, было ясно и до книги Ленина: речь шла об общероссийской газете.

Задача консолидации осложнялась полемикой в рядах международной социал-демократии, прежде всего немецкой, на которую новорожденная российская партия постоянно оглядывалась и равнялась. Собственно марксизм — как бы ни отрицал этого автор брошюры «Что делать?» — не призывал к бескомпромиссной конфронтации

с любой «буржуазной» властью и категорическому отказу от парламентской деятельности и от сотрудничества с каким бы то ни было правительством. Тем более не ставил он в качестве обязательной цели вооруженное восстание. Мирная реформаторская деятельность по крайней мере не исключалась Марксом как тактика в периоды реакции. Кроме того, в конце XIX века многим марксистам становилось ясно, что по мере развития капитализма красочно изображенная в «Манифесте Коммунистической партии» пропасть между буржуа и пролетариями вовсе не растет, как полагали основоположники, а наоборот, постепенно сжимается, а развитие демократических институтов и победы профсоюзов позволяют добиваться социальной справедливости без разрушения старого мира до основания. И чем более развитой была страна в экономическом отношении, тем вернее оказывался этот тезис, — лучшим примером служила почти родная Марксу и Энгельсу Англия, где отсутствовала марксистская рабочая партия, зато как на дрожжах росли мощные профсоюзы.

Осознав это положение, в конце 1890-х годов некоторые ведущие марксисты попытались теоретически обосновать «мирный путь». Так, теоретик немецкой социал-демократии Карл Каутский выступил за парламентаризм и участие рабочей партии в выборах, а более правый теоретик — Эдуард Бернштейн — за реформизм и эволюцию, что отличалось от программ «буржуазных» партий уже только отдельными «левыми» нюансами: например, сохранялся постулат о борьбе классов — но борьбе не смертельной, а всего лишь предвыборной и к тому же сопровождающейся взаимовыгодным сотрудничеством тех же самых классов. В пестрой компании русских «эсдеков», еще формально не разделившихся на «большевиков» и «меньшевиков», мирные настроения тоже были сильны; более того, будущие «меньшевики» были в партии в явном большинстве. Ленин — упрямец, догматик, начетчик по Марксу, бескомпромиссный, как Рахметов, «ригорист» и решительный противник «экономизма» — насмерть стоял за путь революционного насилия.

Впоследствии он кратко и афористично определил разницу между двумя партийными фракциями. По свидетельству Горького, на вопрос рабочего-меньшевика, пожелавшего узнать разницу между двумя течениями в РСДРП, вождь ответил так: «Да вот, говорю, ваши товарищи желают заседать в парламенте, а мы убеждены, что рабочий класс должен готовиться к бою». Именно эта позиция выражена в «Что делать?».

Был и еще один неясный момент — тактический. Какой должна стать партия? Широкой организацией, куда может записаться любой рабочий, или сплоченной группой профессиональных революционеров (чтобы не сказать «заговорщиков»). Выбор одного из этих вариантов явно коррелировал с делением на «парламентариев» и «боевиков»: экономистам-«профсоюзникам» казалось, что чем больше членов партии, тем лучше, революционерам-ленинцам — что лучше меньше, да лучше.

В этих условиях — разрозненные ячейки по всей стране, раскол в мировой социал-демократии, неясность стратегии и тактики партии — Ленин берется за разработку «плана построения боевой общерусской организации».

Современному читателю, если он не революционер-заговорщик, перед которым стоят те же задачи, что в то время перед Лениным, эта книга может быть интересна прежде всего своим полемическим запалом. Ее можно читать, особенно не вникая в тонкости расхождений между газетами «Искра» и «Рабочее дело», ортодоксальными революционерами-марксистами и экономистами-бернштейнианцами. Достаточно настроиться на полемическую волну и следить за ленинскими парадоксами. Их окажется немало. Провозглашая внутрипартийный демократизм, он с первых страниц отказывает оппонентам в праве на критику. Ленин полагал, что свобода дискуссий разрушает партию, это «свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов», и поэтому оппортунистам нельзя давать слова в партийной газете. Пройдет немного времени, Ленин чудом одержит победу на II съезде РСДРП, а затем его оппоненты, по

иронии судьбы прозванные «меньшевиками», возьмут верх и точно так же откажут ему в праве публиковаться на страницах им же созданной «Искры». Эта история еще раз доказывает известную истину: к любым высказываниям радикалов о демократии и свободах надо мысленно прибавлять два слова: «для своих».

Разумеется, присутствует в книге и риторика осажденной крепости: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами» и т. п. Без этих заклинаний коммунисты не обходились нигде и никогда, ни до, ни после захвата власти, причем не только в России, а везде и всюду, даже подчинив себе полмира во второй половине XX века. Любые свои неудачи и просчеты наследники Ленина всегда списывали на вражеское окружение. Что же касается самого вождя, то специфика его риторики от раннего «Что делать?» и до политического завещания («Письмо к съезду», декабрь 1922) состояла в том, что понятие «вражеское окружение» распространялось вплоть до самого ближнего круга, включая почти всех однопартийцев, кроме самых близких и самых верных — тех, к которым Ильич «милел людскою ласкою» (Маяковский) и «относился совершенно исключительно» (Горький). Впрочем, выпасть за пределы этого ближнего круга и оказаться во врагах ничего не стоило, достаточно было высказать несогласие по любому организационному, стратегическому или даже философскому вопросу. В разное время этот путь проделали все ближайшие сподвижники: Плеханов, Мартов, Богданов, Троцкий, Луначарский, Каменев, Зиновьев — полный список получился бы очень длинным, гораздо легче назвать тех, кто не побывал в числе ленинских врагов: их всего несколько десятков, и большинство из этих «верных ленинцев» вроде Кржижановского или Бонч-Бруевича никогда и не претендовали на роль и место вождя.

Итак, за пылкими призывами и красочными метафорами книги «Что делать?» стоит идея создания немногочисленной подпольной организации заговорщи-

ков, основанной на жестком вертикальном подчинении; неповиновение вождю должно караться самым жестким образом; ближайшая задача организации мыслится как пропаганда и агитация против существующего строя, а конечной целью является тотальное и беспощадное разрушение этого строя. В ленинских установках нетрудно узнать структуру, принцип действия и цели нечаевской «Народной расправы», изображенной в «Бесах» Достоевского. Правда, в отличие от нигилиста Нецаева, у Ленина была определенная идеология — марксизм, уже превращавшийся в ленинизм, — и представление о том, как эту идеологию транслировать: с помощью подпольной сети распространения газеты «Искра». Мы не будем рассказывать историю этого до поры до времени удачно развивавшегося предприятия, отметим только один типично ленинский парадокс: всероссийская газета рабочей партии вовсе не предназначалась рабочим. Ее целевую группу составляли интеллигенты из местных комитетов РСДРП, которых Ленин хотел склонить на свою сторону. Более того, один из ключевых тезисов «Что делать?», поссоривших Ленина почти со всеми однопартийцами, заключался в том, что рабочие без помощи освоивших «Капитал» интеллигентов совершенно беспомощны. Предоставленные самим себе, они способны только выдвигать экономические требования, а затем быстро идти на уступки после первых же подачек буржуазии. Таким образом, получается, что вождь «рабочей» партии совершенно не верил в рабочих и считал, что передовой класс не обладает классовым сознанием. Вскоре революция 1905 года, породившая феномен Советов рабочих депутатов, показала Ленину, как он заблуждался. В дальнейшем — и в первую, и во вторую революцию — отношение Ленина к рабочим советам могло меняться на прямо противоположное в зависимости от того, кто ими руководил, а вот от высказанной в «Что делать?» идеи «боевой общерусской организации» он не отказывался никогда. Важнейшей задачей боевой организации была подготовка вооруженного восстания. И вскоре это восстание вспыхнуло.

2. Теоретик и практик революции

В официальной советской историографии считалось, что рабочий класс под руководством большевистской партии и лично Ленина трижды пытался взять власть путем вооруженного восстания. Дважды — в декабре 1905-го и в июле 1917 года — это не удалось, и только в октябре 1917 года «революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась». О том, какую на самом деле роль играло радикальное крыло марксистов в первых двух попытках свержения старого режима, идут бесконечные споры среди историков, и мнения их расходятся диаметрально. Мы не имеем возможности ни подробно излагать аргументы спорящих, ни решать, кто из них прав. Изложим только некоторые безусловные факты, связанные непосредственно с Лениным.

Ленинская идея с самого начала состояла в том, что сплоченная группа большевиков-заговорщиков должна готовить и всячески провоцировать вооруженное выступление рабочих, а затем, «оседлав волну», захватить власть. И как только после 9 января 1905 года в стране начались волнения и стачки, большевики взяли курс на вооруженное восстание, что было закреплено в апреле в решении собрания большевистской фракции, которое они, к негодованию меньшевиков, назвали III съездом РСДРП. Однако вопреки этой ясно высказанной позиции, им же и вдохновленной, Ленин тогда же выпускает брошюру, где называет нелепостью мысль о скором завоевании власти и социалистическом перевороте. Скепсис по отношению к конечному результату не мешает ему подстегивать возмущение рабочих и давать им советы идти напролом: убивайте всех полицейских, никого не щадите. Правда, вряд ли кто-то услышал эти советы: и самоорганизация рабочих, и крупнейшие стачки, и баррикадные бои в это время обходились без Ленина. Петербургским советом рабочих депутатов руководили Парвус и Троцкий, крупнейшей стачкой в Иваново-Вознесенске — Афана-

сьев и Фрунзе, крестьянское движение пытались возглавить эсеры. Ленин же почти весь год оставался за границей, а прибыв в Петербург 8 ноября, принялся за привычное дело — печатание статей в большевистских газетах, теперь разрешенных и вполне легальных. Когда через месяц, 8 декабря, началось Московское вооруженное восстание, для Ленина это было как гром среди ясного неба: он как раз собирался ехать в Финляндию обсуждать с товарищами возможность подобного развития событий в следующем году. Назвать Ленина организатором происходившего в Москве кровавого бунта не решалась даже советская пропаганда, это слишком противоречило фактам: он не изменил своих планов и отправился на партконференцию в Тампере. Пока в Москве возводились тысячи баррикад и гибли сотни людей, Ленин в тихом финском городке знакомился со Сталиным, обсуждал аграрный вопрос и в тысячный раз муссировал вечную проблему: объединяться или не объединяться с меньшевиками. О происходившем в Москве он узнавал из финских газет. В Москве Ильич оказался только после подавления восстания, в январе следующего, 1906 года, а статью «Итоги московского восстания» написал в августе.

В этой работе Ленин четко изложил большевистскую революционную тактику, которую иначе как провокационной не назовешь. Задача состоит в том, чтобы всеми силами провоцировать насилие, вынуждая правительство применить крайние меры — стрелять в толпу, и лучше всего картечью, — и тогда недовольные превратятся в восставших. Главный «урок», который извлекает из кровопролития отсутствовавший в Москве вождь, — надо было решительней браться за оружие. О жертвах, в том числе среди мирного населения, в статье ничего не говорится. Когда речь шла о воплощении одного из главных пунктов ленинской программы — насильственного захвата власти, — он ни о чем подобном не думал.

Следующая возможность спровоцировать восстание забрезжила уже только при Временном правительстве, весной и летом 1917 года. В «Апрельских тезисах», с ко-

торами Ленин выступил сразу после приезда в Петроград из эмиграции, сначала в особняке Кшесинской, а потом еще на нескольких собраниях, он решал прежде всего вопрос о войне. На протяжении почти трех лет большевики выступали за поражение собственного правительства и превращение «войны империалистической в войну гражданскую». Теперь царизм пал, в России провозглашена республика, и, казалось бы, нужно солидаризироваться с Временным правительством в общем деле «революционной войны» до победного конца, тем более что 6 апреля в войну на стороне союзников вступили США и никто уже не сомневался в скорой победе. Однако Ленин смотрит на дело иначе. Он провозглашает необходимость сначала взять власть в руки Советов рабочих депутатов и только после этого продолжать войну с немцами. А до тех пор — никаких уступок «революционному оборончеству», то есть нужно разваливать фронт, сдаваться, «брататься», открывать немцам дорогу на Петроград — и вообще, чем хуже (для правительства министров-капиталистов), тем лучше (для пролетариата и солдатских масс). Не важно, что «Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран»: все равно нельзя оказывать никакой поддержки ее правительствам и институциям, надо направить силы на «устранение полиции, армии, чиновничества», разложение фронта в целях массового дезертирства, вооружение всего народа, — и ждать удобного момента для восстания, который в таком хаосе не может не настать.

Восстание стихийно вспыхнуло в начале июля — как раз в тот момент, когда на фронте русская армия попыталась перейти в наступление и, достигнув поначалу некоторых успехов, потерпела поражение исключительно из-за пораженческой агитации. Разумеется, поднятый в столице в такое время мятеж и союзники, и российское правительство не могли расценить иначе как удар в спину. Какова была роль в июльских событиях большевиков — вопрос, который не имеет однозначного ответа. Однако не вызывает сомнений тот факт, что петербургский пролетариат вместе с солдатами и матросами во-

площад ленинскую программу: сбросить Временное правительство и передать власть Советам. Главная сила восстания — равный по численности целой дивизии Первый пулеметный полк — был полностью распропагандирован большевиками. Когда в момент наступления Ставка приказала полку отправить на фронт 30 пулеметных команд, солдатский комитет отказался это делать, «пока война не примет революционный характер» — то есть ответил чуть ли не цитатой из «Апрельских тезисов».

В июле Российская республика удержалась, а большевики потерпели самое тяжелое из своих поражений. На всю страну было объявлено, что Ленин, Зиновьев, Луначарский, Коллонтай, Парвус, Ганецкий и другие — немецкие шпионы (так ли это было на самом деле — еще один предмет бесконечных научных и околонучных споров). Ленин был вынужден уйти в подполье и вернулся в Петроград только в сентябре 1917 года, чтобы с невиданной энергией взяться за старое: наперекор едва ли не всему ЦК он продвигал идею немедленного вооруженного восстания и передачи власти большевизированным к тому времени Советам. Военно-революционный комитет Петросовета во главе с Троцким и Антоновым-Овсеенко разработал и осуществил план захвата Зимнего дворца и ключевых пунктов столицы. Явившийся в Смольный на II съезд Советов Ленин объявил Временное правительство низложенным и провозгласил Советскую власть. Правда, ни о какой революционной войне с немцами, обещанной в «Апрельских тезисах», к тому времени уже не могло быть и речи: армия разложилась окончательно, и вскоре по Брестскому миру пришлось отдать врагу примерно треть европейской территории бывшей империи. Зато план «превращения империалистической войны в гражданскую» осуществился в полной мере: Гражданская война продлилась пять лет, стоила не менее десяти миллионов жизней и полностью разрушила промышленность и сельское хозяйство.

Таким образом, мы видим, что Ленина можно назвать не столько «теоретиком и практиком революции», сколько крупным мастером провокаций. По его рабо-

там, посвященным действиям партии в революционное время, хорошо видно, что он совершенно не стремился предвидеть возможные катастрофические последствия этих действий, не взвешивал «за» и «против», не думал о человеческих жизнях, а упорно шел к своей цели — прохождению важнейшего этапа на неизбежном пути к светлому будущему, «научно» описанному марксистской теорией. Обратимся теперь к тому, как он понимал эту теорию.

3. Марксист

В двух работах 1913–1914 годов Ленин подробно излагает азы марксизма, показывая его «истоки» (Гегель и Фейербах; Адам Смит и Рикардо; Фурье и Сен-Симон) и разделяя его на «составные части» (философия, политэкономия, научный коммунизм). Именно в таком порядке студенты всех вузов СССР изучали впоследствии «красные предметы», причем философия делилась на «диамат» и «истмат», а политэкономия — на капиталистическую и социалистическую. Краткую и популярно написанную статью про «три источника» полагалось знать чуть ли не наизусть, и потому она до сих пор остается хрестоматийной. Статья о Марксе была написана для крупнейшей энциклопедии братьев Гранат и, следовательно, тоже имела популяризаторский характер, однако к этой работе Ленин отнесся очень серьезно и ради нее перечитывал не только Маркса и Энгельса, но и Гегеля.

В обеих статьях имеются тонкие расхождения даже не столько с Марксом, у которого при желании можно найти цитаты и подтверждающие, и опровергающие ленинизм, но с трактовками и продолжениями учения Маркса, предлагавшимися его наиболее авторитетными последователями. Не имея возможности говорить о всех проблемах, рассмотрим только один, но очень важный вопрос в ленинской трактовке.

Ленин полностью принимал идею Маркса о росте обнищания рабочих масс по мере развития капитализма

и его перехода в «монополистическую» и «империалистическую» стадии. В «Трех источниках» читаем: «Растет... необеспеченность существования для массы населения». То же в статье «Карл Маркс»: «Накопление капитала, ускоряя вытеснение рабочих машиной, создает на одном полюсе богатство, на другом нищету». Главным аргументом служит цитата, взятая непосредственно из «Капитала»: «Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизуют все выгоды этого процесса... возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, но вместе с тем и возмущения рабочего класса».

Собственно, именно на этой Марксовой идее — «накопление капитала способствует накоплению нищеты» — и основана ленинская уверенность в неизбежности социалистической революции. Пропасть между богатыми и бедными в будущем неизбежно будет расти, классовые конфликты — обостряться, все это рано или поздно приведет к революционной ситуации и стихийному взрыву народного негодования, чем и должна воспользоваться революционная партия, чтобы взять власть и, победив врагов, приняться за построение бесклассового общества.

Между тем в действительности *роста* нищеты не происходило, наоборот: уже с конца XIX века капиталисты постепенно начинали рассматривать рабочих не только как «средство производства», но и как потенциальных покупателей. Что выгоднее — раз в год или два поставлять Николаю II и великим князьям покрытые серебром «роллс-ройсы» или наладить конвейерное производство миллионов машин для народа? Но если выгоднее производить товары «для народа», то надо сделать народ платежеспособным настолько, чтобы каждый мог приобрести автомобиль. Если бы, вместо того чтобы цитировать заблуждения Маркса, Ленин оглянулся на сдвиги, происходившие в жизни пролетариев в наиболее развитых странах (Форд уже в 1908 году начал производить «автомобиль для всех» — в том числе и для своих рабочих, которые к 1916 году могли купить «Форд Т» за сумму, рав-

ную их двухмесячной зарплате), и признал, что Маркс, похоже, был не прав, то, возможно, и история пошла бы другим путем? Мысленно продолжив наметившуюся в начале XX века линию экономического развития, гениальный провидец сумел бы различить контуры того, что мы сейчас называем «обществом потребления»? Но Ильич не мог признать, что Маркс не прав: «Учение Маркса всеильно, потому что оно верно» — и точка. Кстати, а кто отвергал теорию абсолютного обнищания пролетариата по мере развития капитализма, кто «отрицал факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий»? Ревизионист, мещанин и ренегат Бернштейн, с которого Ленин сорвал маску марксиста еще в 1902 году, в «Что делать?».

Был ли Ленин догматиком или сам оказался «ревизионистом» и «оппортунистом» по отношению к учению Маркса — Энгельса? Наверное, можно сказать, что он был «избирательным догматиком»: какие-то положения ортодоксального марксизма отстаивал до конца, другие подвергал ревизии в зависимости от возникавшей в данный момент тактической необходимости, а третьи попросту игнорировал. К числу «базовых» положений, за которые он держался мертвой хваткой, относилась не только теория обнищания пролетариата, но и вытекающий из этого сценарий: неизбежная насильственная революция, национализация средств производства, установление «диктатуры пролетариата» — и затем «отмирание» государства в бесклассовом, лишенном антагонизма обществе. Последнему пункту посвящен трактат «Государство и революция», который в советское время считался главным вкладом Ленина в теорию научного коммунизма.

4. Мечтатель

«Государство и революция», как и большинство ленинских теоретических трудов, начинается с отповеди уклонистам. Оппортунисты (в данном случае сторонники всеобщего избирательного права и вообще парламентской демократии), по мнению Ленина, искажают мысли

Энгельса, передававшего, в свою очередь, волю Маркса. Как и в «Трех источниках», главным аргументом служит непоколебимая уверенность вождя в верности марксизма. Написанный летом 1917 года — то есть в разгар войны и между двумя революциями, — трактат доводит эту уверенность до масштабов веры. Человек, который, как и все его современники, уже оказался свидетелем невиданной в истории эскалации насилия, мясорубки мировой войны и первых признаков войны гражданской (к осени 1917 года почти все национальные окраины или уже провозгласили независимость, или были готовы это сделать), верует в скорое и светлое будущее, когда государство окажется ненужным, а отвечать на внешнюю агрессию, останавливать внутренние конфликты и карать любое зло будет не армия и не полиция, а «сам вооруженный народ».

Государство — орудие подавления, и оно должно отмереть, «когда нечего будет подавлять», цитирует Энгельса Ленин. Он не думал о том, что государство умирать не захочет, а будет искать и найдет оправдание своему существованию. Но мы уже знаем: когда стало нечего и некого подавлять — после победы в Гражданской войне, конца нэпа и коллективизации, — государство стало просто придумывать внутренних врагов. Ленинская утопия бесклассового самоуправяемого общества по размаху сопоставима только с лубянскими протоколами времен Большого террора, когда следователи в соавторстве с обвиняемыми придумывали фантастические сценарии заговоров.

Чтобы приблизить светлое будущее, нужно разрушение и разрушение, продолжает Ленин: «Прежние революции усовершенствовали государственную машину, а ее надо разбить, сломать». Но ведь кто-то должен непосредственно этим заниматься? В советской России этим занялась созданная уже в начале декабря 1917 года политическая полиция, которая не просто боролась с контрреволюционерами и саботажниками, а осуществляла марксистско-ленинскую программу: беспощадное разрушение всех элементов прежней государственной машины — ар-

мии, полиции, суда, финансов и т. д. Тому же была подчинена законодательная деятельность новой власти. Среди первых указов большевиков был не только «декрет о мире», открывавший немцам фронт (зачем воевать, если скоро все солдаты-пролетарии побратаются?), но и, например, «декрет о печати» (а точнее — о конце свободы слова и уничтожении «буржуазной» прессы) или декреты, разом отменявшие всю сложную, создававшуюся усилиями нескольких поколений юристов со времен реформ Александра II правовую и судебную систему (судить надо проще, исходя из классового чутья), или финансовая политика — сознательное подстегивание инфляции до миллионов рублей за буханку хлеба (не важно, что это приведет к голоду, зато лишит буржуазию всех ее привилегий и накоплений).

Будущее, нарисованное Лениным в «Государстве и революции», настолько светло, что при его ослепительном свете исчезают не только прежние институты, но и разделение на угнетателей и угнетенных вплоть до стирания различия между подчиненным и начальником. При диктатуре пролетариата, всерьез утверждает Ленин, управленцы будут такими же работниками, как и все остальные, но только работающими в отделе управления. Но события прошлого говорят нам о том, что и в любом коммунистическом государстве (даже если это уравнильное государство красных кхмеров) неизбежно возникает имущественное и правовое неравенство между управленцами и простым народом, которое фактически превращает первых в особую социальную страту (или «класс») номенклатуры. А одним из главных импульсов самораспада «развитого социализма» и возвращения к капитализму было, как известно, желание этой номенклатуры закрепить завоеванные богатства и привилегии в наследственное владение.

Сопоставляя «Государство и революцию» с последующими событиями, понимаешь, что этот трактат — пример не просто утопии, а какой-то сверхутопии, демонстрация предельных возможностей самообмана. Трудно вообразить что-либо более далекое от реальной картины

происходившего после победы коммунистов (и не только в России, а повсюду, где они приходили к власти, от Кубы до Китая и Камбоджи и от «стран соцлагеря» до Анголы и Мозамбика), чем то, что описал их вождь и учитель в этом сочинении. Однако «коммунизм» и «утопизм» настолько нераздельны, что любая, даже самая конкретно-историческая критика, бесполезна. Для настоящих коммунистов исторически доказанная живучесть государства, постоянная регенерация классов и неотменяемость насилия при социализме не являются свидетельствами того, что Ленин был не прав. Обсуждая эту тему, историк-коммунист обязательно укажет вам на нарушения «ленинских норм» и «отклонения от ленинского пути». Похоже, что эти нормы и этот путь могут быть помыслены только как платоновские идеи, причем такие, что любые их реальные воплощения оборачиваются прямой противоположностью по отношению к первоисточнику.

«Кремлевским мечтателем» назвал Ленина в своей книге «Россия во мгле» посетивший его в сентябре 1920 года фантаст Герберт Уэллс, сам придерживавшийся вполне «меньшевистских», эволюционистских взглядов. Ленинскую мечтательность Уэллс относил в основном к плану ГОЭЛРО — идее достижения всеобщего счастья и благоденствия через электрификацию, о которой Ленин полтора часа твердил британскому гостю. Жаль, что писатель так ничего и не узнал о других мечтаниях вождя коммунистов: это могло бы дать ему хороший материал не только для книги очерков, но и для повестей и рассказов. Помимо электричества и отмирания государства, Ленин веровал в электропług, способный решить проблему недостатка продовольствия, в сверхоружие — какие-то «взрывы на расстоянии», предложенные студентом-недоучкой Степаном Ботиным, с помощью которых большевики моментально завоюют всю Европу, в термосы, кипятящие воду без огня, в производство спирта из торфа и сахара из опилок, а также в необыкновенные выгоды сбора шишек для производства масла. А в конце Гражданской войны, когда в Поволжье из-за последствий

большевистской продразверстки голодало полтора миллиона человек, председатель Совнаркома потребовал засеять все яровые площади в этом регионе... кукурузой.

Правда, иронизируя над Ильичом-мечтателем, мы не должны забывать и того, что электростанции, в возможность которых в России не верил фантаст Уэллс, все-таки были построены, (ядерное) сверхоружие у Советов в конце концов появилось, и даже кукурузный проект Хрущев почти осуществил. Вот только продовольственную проблему советская власть так и не сумела решить до самого конца. Наверное, если бы Ленин смог посмотреть на то, что получилось у коммунистов к закату советской власти, это показалось бы ему обидным. Но самым обидным стало бы все-таки другое. Ирония судьбы заключается в том, что отмирание государства (не всех его функций, конечно, но именно репрессивных) отчетливее всего проявилось во второй половине XX века именно там, где победили ненавистные Ленину извратители марксизма, меньшевики-рenegаты-оппортунисты-ревизионисты, — прежде всего в скандинавских странах. Именно там удалось наилучшим образом если не справиться с «наемным рабством», то уменьшить заключенную в нем несправедливость с помощью налоговой системы, превращающей «капиталиста» почти что в сотрудника «отдела управления».

«Утопический» период в политическом творчестве Ленина закончился в 1921 году, когда он, испугавшись перспективы новой революции, на этот раз антикоммунистической и крестьянской, был вынужден скрепя сердце дать согласие на ту экономическую политику, против которой до последнего момента решительно возражал, — нэп. В этот период не только вернулись рыночные отношения (то есть ненавистный «капитализм»), но и один за другим начали восстанавливаться те элементы государственного устройства, которые большевики усердно разрушали в период «военного коммунизма». Происходило это уже без Ленина, однако поставленная им в «Государстве и революции» цель — достижение бесклассового об-

щества — не была отброшена, и следующим этапом на этом пути оказалась еще одна катастрофа: коллективизация. Однако это уже совсем другая история.

Все без исключения утописты и мечтатели — книжные люди. Манящие их образы и идеалы берутся, как правило, вовсе не из жизни, а из прочитанных книг. Тем интереснее взглянуть на Ленина-читателя, его пристрастия и методы интерпретации прочитанного.

5. Литературовед

Одной из составляющих идеального образа Вождя и Учителя, который семьдесят лет лепила советская пропаганда, была невероятная начитанность Ленина: «человек, который читал все», неутомимый пожиратель книг, одинаково жадно набрасывавшийся на романы, политико-экономические трактаты, стихи и мемуары. Читал он действительно много, но тут нужно сделать три оговорки. Во-первых, интересы Ленина-читателя лежали все-таки почти исключительно в области текущей марксистской и социал-демократической литературы, причем он выискивал в ней не столько единомышленников, сколько разнообразных ревизионистов и уклонистов, которых можно разделить под орех в следующей статье. Во-вторых, художественную литературу он читал примерно ту же и в тех же объемах, не больше и не меньше, чем другие образованные люди левых убеждений — учителя, адвокаты и врачи. (Злоязыкий Набоков выразил эту мысль резко: «У Ленина, Сталина и Гитлера представление об искусстве и науке было насквозь буржуазным».) В-третьих, художественные тексты интересовали его исключительно как отражение социальных процессов, как и полагалось читать по правилам «реальной критики» Чернышевского и Добролюбова (журнал «Современник», который они сделали трибуной революционно-демократического направления, Володя Ульянов проработал еще в кокушкинской ссылке в конце 1880-х годов). Таким образом, существенной разницы между литературным и нелитературным текстом он не видел.

Свидетельств о литературных пристрастиях молодого Ульянова в области современной ему литературы осталось не так уж много. Известно, что в гимназии он перечитывал и чуть ли не знал наизусть от корки до корки романы Тургенева (обычное дело для передовой молодежи 1880-х годов). Потом его «перепахал» роман Чернышевского «Что делать?». Это произошло после казни брата: Володя решил перечитать книги, которые любил покойный Александр. Роман Чернышевского, с одной стороны, утопия, рисующая идеальное общество и идеального человека, а с другой — педантичная инструкция, как надо строить свой быт и повседневные отношения с людьми в далеких от утопии условиях, исходя из теории «разумного эгоизма». Ито и другое, несомненно, близко Ленину, в характере которого, как и в характере Чернышевского, причудливо уживались мечтательность и доходящая до занудства дотошность. В зрелые годы Ленин часто жонглировал язвительными образами Салтыкова-Щедрина — любимого автора всех без исключения русских революционеров. Испытал, по свидетельству сестры, потрясение от чеховской «Палаты № 6», иногда обращался и к другим чеховским рассказам. «„Мы с Лениным“ ругали Мартынова. „Мы с Мартыновым“ ругаем Ленина. Милая социал-демократическая душечка! в чьих-то объятиях очутишься ты завтра?» — вот образец его фирменного полемического стиля. Несомненно, читал и любил Льва Толстого — опять же, как почти все образованные люди в дореволюционной России. В 1900-е годы охотно читал Горького — личного друга, спонсора партии, а кроме того, просто самого популярного из российских писателей. Однако нет никаких свидетельств об интересе Ленина ко всему тому, что мы теперь называем Серебряным веком — символизму и авангарду 1900–1910-х годов. Похоже, все эти Блоки и Белые для него так и остались мутными «декадентами» (неизменно ругательное слово в его лексиконе), не говоря уже о «русском религиозно-философском ренессансе», все деятели которого Ленина люто ненавидели, причем он отвечал им полной взаимностью.

Содержание

Пять ипостасей Ленина. <i>Степанов А.</i>	5
---	---

ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ

Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения	31
--	----

Уроки московского восстания	219
---------------------------------------	-----

Апрельские тезисы.

О задачах пролетариата в данной революции	227
---	-----

Три источника и три составных части марксизма.	233
--	-----

Карл Маркс.	239
---------------------	-----

Государство и революция	276
-----------------------------------	-----

Лев Толстой как зеркало русской революции.	391
--	-----

Памяти Герцена	397
--------------------------	-----

Примечания.	405
---------------------	-----